

**Западноевропейская секция Археографической комиссии РАН
Санкт-Петербургский институт истории РАН**

XII (XVII)

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ

О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ (1874–1939)

ТЕЗИСЫ

Санкт-Петербург, 5–6 июня 2025 г.

Е. В. Антонец
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Рукопись *Lat. F. XVIII. 12* (ОР РНБ) и система сокращений в латинских гуманистических рукописях XV в.

Сообщение посвящено рукописи *Lat. F. XVIII. 12* (ОР РНБ), которая состоит из двух частей, выполненных двумя разными писцами. Первая часть (лл. 1–140 об.), написанная одним писцом, содержит псевдоцицероновы «Синонимы» и несколько сочинений Сикко Полентона (Sicco Rizzi Polenton, 1375/76–1446/47), одного из значимых деятелей эпохи Возрождения и канцлера Падуи. Вторая часть рукописи (лл. 141–166 об.) выполнена другой рукой и содержит пять речей Цицерона.

Нас интересует первая часть рукописи, содержащая сочинение Полентона *Scriptorum illustrium Latinae linguae libri* («Жизнеописания знаменитых латинских писателей») и два его письма, одно из которых адресовано Энрико Скарампо, епископу Фельтре, второе — Никколо Никколи (1364–1437). Для первого письма Петербургская рукопись — единственный источник. Второе письмо (к Никколи) дошло до нас в двух редакциях, для одной из которых Петербургский кодекс, по-видимому, — единственный источник. Рукопись *Lat. F. XVIII. 12* ранее входила в собрание барона Ганса Дитриха фон Шёнберга (Hans Dieterich Schönberg; 1701–1783), долгое время считалась утраченной, и недавно идентифицирована нами по колофону писца и описанию.

В письме к Никколи Полентон рассказывает об обнаружении им в Падуе так называемого захоронения Тита Ливия, отмеченного надгробной надписью (CIL. 05, 02865; 1–50 г. н.э.), и о планах возвести в Падуе мавзолей Ливия. Уникальность редакции, представленной в Петербургской рукописи, поднимает вопрос о происхождении двух редакций этого письма. Мы предложили гипотезу, что Полентон действительно составил два варианта текста, имея в виду, что текст письма будет зачитан папе Мартину V (что и было сделано). В настоящее время известно 9 рукописей, содержащих письмо к Никколи. У нас есть основания полагать, что текст обеих редакций написан Полентоном, и следовательно, возможно, что все дошедшие рукописи так или иначе восходят к выполненному им списку. Особенно этот вопрос важен в связи с тем, что сохранился автограф Полентона — рукопись *Vat. Ott. lat. 1915*, содержащая «Жизнеописания», переписанная им собственноручно. Высказывается предположение, что правописание (например, написание слов *mihi* и *nihil*) и система сокращений может быть одним из оснований для выявления списка, наиболее близкого к протографу.

В докладе рассматриваются сокращения, принятые в Петербургской рукописи *Lat. F. XVIII. 12*, в сопоставлении с автографом Полентона (*Vat. Ott. lat. 1915*; 1437 г. и *Vat. Pal. lat. 1478*, ff. 165v–174v) и с другими рукописями, содержащими сочинения Полентона, выполненными гуманистическим курсивом (*Vat. Pal. lat. 1494*; *Vat. Pal. lat. 1594*; *Vat. Urb. lat. 317*; *Vat. Cappon. lat. 15*) и гуманистическим минускулом (*Vat. Ross. lat. 906*; *Vat. lat. 3760*; *Vat. lat. 8533*).

Отдельное внимание уделяется сокращению *et*, которое выполняется разными писцами по-разному. См. примеры в *Прил. 1*.

Е. А. Власова (ОР РНБ)

Молитвы к Иисусу Христу в двух средненижненемецких молитвенниках из собрания РНБ: ОЛДП О. 162 и Ф. 955, оп. 2, № 51.

Доклад посвящён двум вариантам одного и того же сюжета, положенного в основу двух молитв ко Христу. Один молитвенный текст на л. 103 в кельнской рукописи ОЛДП О. 162 из собрания Отдела рукописей РНБ озаглавлен как молитва к «пяти ранам». Вторая молитва происходит из любекского конволюта Ф. 955, оп. 2, № 51 (так же Отдел

рукописей РНБ) и не имеет специального заголовка (л. 90). Оба текста содержат характерные упоминания левой и правой руки Иисуса Христа, а также Его левой и правой ноги, пронзаемых гвоздями. Исходя из этого можно сделать вывод либо о родстве обоих текстов, либо о едином сюжете, использованном при создании молитв. Оба текста впервые вводятся в научный оборот.

Информация об обоих молитвенниках представлена на портале Handschriftencensus (<https://www.handschriftencensus.de/>) (Nrr. 3534, 18601). Кодикологическое описание рукописей было сделано Н. А. Бондарко, М. Г. Логутовой и Е. А. Ляховицким (Об одном немецком бумажном позднесредневековом молитвеннике из собрания Российской Национальной библиотеки // Вестник СПбГУ. История. 2017. Том. 62. Вып. 2; *Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg // Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas* / Hg. v. A. Breith u.a. Stuttgart, 2012 (ZfdA. Beiheft 15)). Подробная история обеих рукописей изложена в статье М. Г. Логутовой (Роль позднесредневековой молитвы в подготовке восприятия идей Реформации (по немецкоязычным рукописным молитвенникам Российской национальной библиотеки) // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*. 2017. №. 3 (2)), которая датирует их концом XV в. Лингвистическое описание любекской рукописи подготовлено автором (*Власова Е. А. Диалектные особенности средненижнемецкого языка в молитвеннике XV в. Из Любека* (РНБ. Ф. 955, оп. 2, № 51) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2013).

*П. В. Войханская
(ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря)*

О фрагментах рукописи Кодекса Юстиниана из собрания ГИМ

В докладе представлены результаты исследования и реставрации фрагментов пергаменной рукописи, представлявших лл. 10–17 в папке из собрания П. И. Щукина (ГИМ, Щук. 1020), содержащей разрозненные листы.

Восемь рассматриваемых фрагментов происходят из рукописи с текстом Кодекса Юстиниана с глоссами Аккурсия, созданной в Италии (Болонье) в XIII в.

Листы оригинальной рукописи были разрезаны вдоль на две части и, вероятно, использованы в качестве переплетного материала, о чем свидетельствуют заложенные фальцы, проколы для шитья и отпечатки клея с полосок, фиксировавших корешок в конструкции переплета. Составление транскрипции основного текста позволило реконструировать листы первоначальной рукописи и соединить фрагменты при реставрации. Также предпринята попытка реконструкции текста и фигурного инициала на перепечатках клея. Наблюдения, сделанные в процессе реставрации, позволяют уточнить и дополнить краткое описание памятника, приведенное в двух каталогах иллюстрированных рукописей [*Мокрецова И. П., Щеголева Л. Каталог средневековых западноевропейских иллюстрированных рукописных книг в собраниях Москвы*. М., 2010. С. 124. Кат. 63; *Золотова Е. Ю. Книжная миниатюра Западной Европы XII–XVII вв. Каталог иллюстрированных рукописей в библиотеках, музеях и частных собраниях Москвы*. М., 2010. С. 90. Кат. 38].

*А. М. Гордин
(Государственный Эрмитаж)*

К литературной истории гарганской легенды

Кто прав – Г. П. Федотов, мимоходом заметивший в рецензии на диссертацию О. А. Добиаш-Рождественской, что «в известной автору проповеди Беды (Ном. 101,

Mi 94, с. 502), дан другой, по-видимому, древнейший вариант [гарганской] легенды», или современные исследователи, видящие в этой давно уже не приписываемой Беде гомилии лишь экстравагантную переделку *Apparitio S. Michaelis in Monte Gargano* (далее А.; ВНЛ 5948), датируемой ныне VIII, даже VII в.? Два текста лексически и стилистически столь несхожи, что зависимость гомилии именно от А. совершенно неочевидна.

Специалисты (*Leclercq* 1947; *Machielsen* 1990) отдавали гомилию СІ, как и еще шестнадцать той же коллекции, анониму VIII–IX вв. Попытка сделать его современником григорианской реформы (*Risruccia* 2013) слабовато аргументирована и своеобразие интересующего нас текста не объясняет.

Если в стыковке заключения предыдущей, пересказывающей *Visio Pauli*, гомилии С и вступления угадывается рука гомелиста: «Nos autem, fratres charissimi, audientes tanta tormenta inferni, convertamur ad Dominum nostrum, ut cum angelis ejus valeamus regnare... Deus volens angelos honorari in terra ab hominibus, hanc occasionem, ut legimus, primam ostendit», – то вполне индивидуальная концовка, скорее, передает источник: «Haec fuit prima causa quod memoria angelorum fuit in terra; ab hoc tempore usque in praesens sunt ecclesiae et festivitates eorum ad laudem Dei, qui vivit, etc.» А., как известно, начинается со слов «memoriam beati Michaelis archangeli toto orbe venerandam», но претензии на первенство гарганской церкви в ней нет. Зато она есть в кратчайшей записи под 8 мая *Староанглийского мартиролога* IX в., латинское ядро которого могло быть старше А.

Соответствие гомилии одновременно первому и третьему эпизоду канонизированной версии гарганского предания вполне согласуется с почти общепризнанным выводом о вставном характере эпизода битвы и второго явления Архангела в А., сотканной, таким образом, из двух относительно самостоятельных легенд. Сохраненный гомилией вариант первой правильнее, наверное, назвать не древнейшим, а одним из конкурировавших в раннее время. Краткий вариант второй легенды содержит, как известно, *Vita minor S. Laurentii Sipontinis* (ВНЛ 4791), события которой современны Готской войне и независимо от датировки текста расцениваются в целом как правдоподобные. На ошибочности отождествления легендарной битвы с экспедицией Гримоальда I против греков (ca 650) настаивала и О. А. Добиаш-Рождественская. Иными словами, ссылка А. на «libellus in eadem ecclesia positus» не только топос, и не одну, а обе изложенные в ней легенды следует рассматривать как итало-греческие, VI–VII вв. Очевидно, что и местное празднование Архангелу было установлено – даже если то заслуга лангобардов – по примеру византийского праздника ἡ Σύναξις τῶν Ἀρχαγγέλων καὶ τῶν Οὐρανίων Σωμάτων, так же отмечаемого восьмого числа девятого месяца, только не сентябрьского, а мартовского года.

С. С. Грозов
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Анонимная морализаторская энциклопедия *De proprietatibus rerum*: Структурные особенности, вопросы происхождения и датировки

Доклад посвящен подготовке критического издания малоизвестной анонимной морализаторской энциклопедии *De proprietatibus rerum*, дошедшей до нас в пяти рукописях конца XIV–XV вв.: *Oxford, Merton College Library, ms 68* (ff. 6v–16r; сер. XV в.); *Lincoln Cathedral Library, ms 40* (ff. 248v–256v; кон. XIV в.); *Oxford, Bodleian Library, ms Bodley 571* (ff. 257r–269r; сер. XV в.); *Vatican Library, Ottob. Lat. ms 626* (ff. 117r–131v; кон. XIV в.); *Modena, Bibl. Estense. MS γ. O. 5, 2* (ff. 66v–150v; кон. XIV в.).

В докладе будет представлена краткая характеристика памятника и последние результаты его исследования – особенности структуры энциклопедии, выясненный круг источников, предположительное время и место создания текста.

Анонимная морализаторская энциклопедия *De proprietatibus rerum* состоит из 223–225 расположенных в алфавитном порядке глав, рассказывающих об особенностях

животных, растений, драгоценных камней. Каждая глава включает две части – описание того или иного природного объекта и морализацию. Морализации, вероятнее всего, создавались непосредственным составителем энциклопедии. Натуралистические же фрагменты восходят к широкому кругу античных и средневековых текстов. Как установлено автором доклада, наибольшее количество сведений заимствовано из трудов Исидора Севильского, Альберта Великого, Александра Неккама, Аристотеля и др.

Четыре из пяти известных рукописей, в которых содержится текст энциклопедии, имеют английское происхождение, что позволяет предполагать и английское происхождение текста. Датировка рукописей определяет верхнюю рамку времени создания текста – конец XIV в. по дате самой ранней линкольновской рукописи. Нижняя же граница времени создания памятника к настоящему моменту гипотетична и нуждается в уточнении. Текст не мог быть создан раньше последней трети XIII в., поскольку самый поздний из источников энциклопедии – созданный в 1260–1270-х гг. трактат о минералах Альберта Великого.

*Н. М. Долгорукова (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН, РАНХИГС),
А. Ф. Кифшишина (НИУ ВШЭ, Москва)*

О превратностях Фортуны: Варианты и вариации образа колеса Фортуны в «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского и рукописях «Романа о Бруте» Васа и «Бруте» Лаямона

Доклад посвящен анализу образа колеса Фортуны в «Романе о Бруте» (1155) – стихотворном переложении латинской хроники Гальфрида Монмутского «История королей Британии» (ок. 1138) на старофранцузский, сделанном нормандским поэтом Васом. В центре внимания находится отрывок из истории о короле Лире, впервые изложенной Гальфридом и впоследствии заимствованной у него Васом, а затем – английским поэтом Лаямоном. Лир, отвергнутый двумя дочерьми, которые, как он думал, любили его больше, чем третья дочь Корделия, лишенный рыцарей, денег и королевства, произносит монолог, в котором упрекает Фортуны в изменчивости и несправедливости.

Главное изменение, которое вносит Вас, перерабатывая текст Гальфрида – это образ колеса Фортуны, отсутствующий в «Истории королей Британии», в которой мотив судьбы носит характер сквозного упоминания. Фортуна у Гальфрида не персонифицирована, а воззвание короля Лира к ней играет роль риторического приема. Вас же значительно расширяет этот эпизод и поэтизирует мотив обращения к Фортуне. Вводя в текст образ колеса Фортуны, Вас снижает образ Лира: теперь он, в первую очередь, не король-полководец, каким он был представлен у Гальфрида, а человек, терпящий превратности Фортуны, одинаково переменчивой по отношению как и к простолюдным, так и к королям.

Описание колеса Фортуны имеет разночтения и смысловые различия в рукописях. В частности, нас интересует 1928 строка, которая в большинстве манускриптов, содержащих рукописи «Романа о Бруте» звучит как «E tost le ras desuz buté / torné» («И быстро вновь его [простолюдина] низвергла»). Это, в первую очередь, континентальные рукописи XIII–XIV в. (список Y: *BNF, ms. fr. 12603*), XV в. (список N: *BNF, ms. fr. 1454*) и северо-английская рукопись XIV в. (список S: *BNF, n. acq. fr. 1415*). Однако в континентальной рукописи XIV в. (список H: *BNF, ms. fr. 1450*) эта строка звучит как «E un roi em plus bas torné» («А короля обратила ниже»), отражая тем самым распространенное в Средние века противопоставление простолюдинов и королей, а также напоминая читателям о Лире, который и оказался низвергнут Фортуной. Подобная антитеза вновь отделяет короля Лира от простого народа, препятствуя десакрализации его образа, которое в Средние века могло вызвать противоречивую реакцию, как и образ самой Фортуны.

Благодаря Боэцию и его «Утешению философией» Фортуна могла существовать в христианском пространстве, не вступая в оппозицию с Богом, тем не менее, судя по всему, ее фигура вызывала разногласия в религиозной среде. В частности, в северо-английской рукописи конца XIII – начала XIV в. (список Z: *Yale, Beinecke Library, ms. 395, item 12*), в котором «Роман о Бруте» находится рядом с Библией Германа Валансьенского, его «Успением Богородицы» и другими религиозными текстами, отрывок про Фортуны и ее колесо пропущен вовсе. Переводчик текста Васа на среднеанглийский, Лаямон, сообщая о своей принадлежности к духовенству, также опускает обращение к Фортуне, вместо нее Лир взывает напрямую к благополучию, которое его оставило, а образ колеса Фортуны в текст «Брута» уже не переходит.

*Н. М. Долгорукова (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН, РАНХИГС),
М. С. Метелев (РГГУ, Москва)*

Замененная литера: проблема разночтений слов «fine» и «fins» в манускриптах романа «Клижес» и интерпретация этимологии имени персонажа “Soredamors” Кретьена де Труа

Роман «Клижес» Кретьена де Труа содержит эпизод, в котором один из главных женских персонажей объясняет этимологию своего имени. Имя матери Клижеса, «Soredamors», состоит из двух корней: «золото» и «любовь», – и в единственном существующем на данный момент русском переводе В. Микушевич попытался сохранить говорящее имя, назвав персонажа «Золотокудрой Любовью». Эпизод этот занимает 24 строки: по двум главным французским изданиям романа это строки 962–985 (редакция Д. Пуарьона, серия «Bibliothèque de la Pléiade», издательство «Gallimard», 1994 г.) и 960–983 (редакция М. Зенка, серия «Lettres Gothiques», издательство «Le Livre de Poche», 1994 г.). Сравнивая эти два издания, легко заметить, что в интересующем нас отрывке есть разночтения, из которых в первую очередь бросается в глаза различный порядок размещения некоторых строк, что, впрочем, не влияет на интерпретацию рассматриваемого фрагмента и образа героини.

Менее заметным различием является замена одной литеры на другую в очень важном слове для изучения куртуазной литературы – fine/fins. Так, в издании под редакцией Д. Пуарьона мы читаем следующее (969–972): «Por ce tieng mon non a meillor / Qu'an mon non a de la color / A cui li miaudres ors s' acorde, / Et la fine amors me recorde» («За то я держу свое имя лучшим, / Что в имени моем есть цвет, / Который гармонирует с лучшим золотом, / И о совершенной любви мне напоминает»). Используемая здесь синтагма «fine amors» позволяет существовать такому варианту текста, который дополняет смысловую нагрузку романа, позволяя приблизиться к проблеме fin'amors (совершенной любви). Однако другой вариант текста, представленный изданием под редакцией М. Зенка, элиминирует эту проблематику концепций любви в средневековой литературе (967–970): «Por ce tieig mon non a meillor / Qu'il commence par la color / A coi li meldres ors s'acorde, / Et la fins Amors me recorde» («За то я держу свое имя лучшим, / Что начинается оно цветом, / Который гармонирует с лучшим золотом, / А конец его о Любви мне напоминает»). Это различие невозможно объяснить ни аргументом о диалектальных особенностях, ни доводами об отсутствии строго закрепленной орфографии старофранцузского языка, поскольку, кроме собственно литер e/s в лексеме с основой с fin, в разных вариантах отрывка есть и более явная разница в строках «Qu'an mon non a de la color» (Д. Пуарьон, 970) и «Qu'il commence par la color» (М. Зенк, 968). Именно это микроскопическое различие употребленных литер является ключевым для интерпретации имени персонажа и понимания концепции любви между родителями Клижеса – главного героя романа, любви Сордамор и Александра.

Без сомнения, разночтения в изданиях связаны с тем, что транскрибация производилась по разным рукописям. Результаты сравнения интересующего нас

фрагмента по нескольким доступным в электронном виде рукописям, хранящимся в Национальной библиотеке Франции, получились следующими: в четырех из шести рукописей в слове «fine» употребляется литера «e» – *BNF, ms. fr. 794, f. 57 v bc* (первая треть XIII в.), *BNF, ms. fr. 375, f. 269 v a* (1288 г.), *BNF, ms. fr. 1450, 191 r c* (вторая четверть XIII в.), *BNF, ms. fr. 1374, f. 27 v b* (середина XIII в.); и только в двух оставшихся «fins» написана с «s» на конце – *BNF, ms. fr. 1420, f. 33 v c – f. 34 r a* (конец XIII в.), *BNF, ms. fr. 12560, f. 89 r a* (XIII в.). В сочетании с анализом концепции любви Сордамор и Александра в контексте общей проблематики любовных взаимоотношений в произведении, эти результаты позволяют сделать осторожные выводы о более «верном» варианте прочтения фрагмента и толкования проблем романа.

Е. Г. Домнина
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Шифрованное письмо Иоганна Фридриха Великодушного, курфюрста Саксонского, из собрания Архива СПбИИ РАН и его дешифровка

Доклад посвящен анализу шифра, использованного в письме Иоганна Фридриха Великодушного, курфюрста Саксонского, к Генриху фон Туне от 24 апреля 1547 г. (*Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. 7a/436*), и историческому контексту его написания. Регест и фото послания были опубликованы Т. Н. Таценко (Немецкие территориальные государства XVI в. в документах Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН: Исследования и материалы. СПб., 2017. № 139. Рис. 25–26).

Для сравнения были привлечены известные шифры периода Шмалькальденской войны. Речь идет о шифрах Елизаветы Саксонской (1502–1557) (*Rous A.-S. Die Geheimschrift der Herzogin Elisabeth von Rochlitz im Schmalkaldischen Krieg 1546/47 // Eine starke Frauengeschichte. 500 Jahre Reformation. Markkleeberg, 2014. S. 47–52*) и о шифре английского посольства С. Гэрднера и Г. Нивета, представлявших Генриха VIII Тюдора на конференции в Регенсбурге, проходившей в дополнение к рейхстагу 1541 г. (*Henry VIII to His Ambassadors at the Diet of Ratisbon 17 June 1541 / Deciphered and ed. by Challis C.E., Black Ch. J. York, 1968*).

Автором была разработана собственная методика подбора ключа к шифру из рассматриваемого письма и было установлено, что основная идея зашифрованного фрагмента текста – беспокойство Иоганна Фридриха Великодушного по поводу обеспечения безопасной перевозки некой денежной суммы от одного адресата к другому.

Автор выражает благодарность Т. Н. Таценко за предоставление изображений документа в высоком разрешении.

И. В. Дубровский (ИВИ РАН)

К источниковедению второго похода Батория на Россию

Речь пойдет о ряде источниковедческих сюжетов, имеющих отношение к Великолуцкому походу Стефана Батория на Россию 1580 г. Долг перед моим научным предшественником обязывает прежде всего доделать его дела. Я подготовил издание и перевод пространного донесения неизвестного лица о походе Стефана Баторий на Великие Луки, которое Е. Ф. Шмурло нашел в бумагах польской нунциатуры (шифр с современной пагинацией: *Archivio Apostolico Vaticano, Segreteria di Stato, Polonia, t. 15A, f. 65–70*). Хотя итальянский язык документа кажется безупречным, неизвестный автор неожиданно отзывается о нем: «ваш итальянский язык». Он участвует в кампании в свите польского магната Анджея Зборовского.

Предмет моего собственного интереса – два итальянца на службе Батория: артиллерист и военный инженер, капитан, потом полковник Доменико Ридольфини и

солдат, артиллерист и литейщик Джеронимо Видали. В Польшу оба попали через военную машину Венеции и сохраняли связи с венецианскими военными. Иностранное участие в военных делах польские источники по традиции максимально игнорируют. Как известно, польская шляхта ревниво смотрела на пришлых, не желая признавать ничьих заслуг и достоинств, а тем более не собиралась делиться должностями и славой с теми, кто не происходил из ее рядов. Потому главный источник информации о службе Ридольфини и Видали польской короне – их собственные документы. Ридольфини повезло иметь родственника-антиквара XVII в., сделавшего и сохранившего для нас выписки из его корреспонденции с момента отправления в Польшу в декабре 1579 г. до лета 1582 г. (*Biblioteca Comunale di Camerino, ms. 144, f. 3b–13*). Кроме того, в Венецианском архиве, я нашел письма Ридольфини из Великолукского похода венецианским кондотьерам Доменико и Паоло Орсини (*Archivio di Stato di Venezia, Archivio proprio di Giacomo Contarini, filza 20, f. 13–15v*). Наконец, пересказы упомянутых писем я с удивлением узнаю на страницах латинской хроники Натале Конти. Разобравшись с другими источниками, использованными Конти, мы сумеем вычлени у него данные, которые могут быть фрагментами неизвестных нам писем Ридольфини. От Видали мне удалось собрать следующие материалы. Это два пространных обращения с просьбой принять его на службу; первое адресовано известному венецианскому военачальнику Джулио Саворньяну из Вильны 10 марта 1581 г. (там же, *Miscellanea atti diversi manoscritti, busta 85*, без пагинации), другое – великому герцогу Тосканскому без даты, я предполагаю, что последний документ составлен около 1590 г. (*Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 2355, f. 38–39v*). Сюда можно присовокупить донос Видали на одного из соотечественников в Венецианскую инквизицию из Альбы Юлии в Венгрии от 25 марта 1585 г. (*Archivio di Stato di Venezia, Savi all'eresia (Santo Ufficio), busta 55* (дело Giacomo Grisoni), без пагинации). Переписка Ридольфини ценна подробностями войны, которыми тот владеет как высокопоставленный военный, чья батарея сыграла, возможно, решающую роль во взятии Великих Лук. Однако косноязычные ходатайства Видали с рассказом о себе, пережитых сражениях и осадах рисуют не менее ценный портрет солдата удачи, прошедшего огонь и воду, а его попытки заявить о себе как о знатоке военных секретов и истории о том, как из одной польской пушки он отливал «три хороших», – возможно, не пустая похвальба, ибо несколько орудия, подписанных именем литейщика Джеронимо Видали, сохранилось в европейских музеях.

Е. С. Залевская (АУ нПРБ, Минск)

Новейшие методы исследования рукописной традиции Апулея и их вклад в изучение античной риторики

Новейшие подходы в исследовании рукописей, сохранивших произведения Апулея («Апология» и «Флориды») позволяют глубже понять особенности юридической и риторической практики II века н.э. Исследователи выделяют три ключевых кодекса: *Codex Laurentianus plut. 54.32* (Флорентийская национальная библиотека; XI в.), *Codex Monacensis lat. 23491* (Баварская государственная библиотека, Мюнхен; XI в.), *Codex Leidensis BPL 88* (Лейденская университетская библиотека; XIII в.). Вместе с другими рукописями они демонстрируют эволюцию текста и существенные разночтения, особенно в разделах, касающихся обвинений в магии (Apol. 25–27).

«Апология» Апулея следует классической структуре судебной защиты, восходящей к традициям Цицерона, но адаптированной к реалиям эпохи Антонинов. Вступление (Apol. 1–3) содержит традиционное обращение к проконсулу Клавдию Максиму («vir tantus et litterarum omnium peritissimus»), подчеркивая его авторитет. Сравнение с недавно обнаруженным папирусом *P. Оху. 5288* (2020) выявило сходство структуры с другими защитительными речами по делам о магии. Центральная часть (Apol. 4–65) построена на последовательном опровержении обвинений с использованием специальной юридической

лексики, а заключение (Apol. 66-103) сочетает эмоциональную апелляцию к суду с цитатами из Платона, отражая синтез римской и греческой традиций.

«Флориды» – сборник из 23 декламаций – сохранились благодаря использованию в риторических школах. Анализ письма Ватиканского кодекса X в. (*Vat. gr. 354*) с учетом известной хронологии графико-орфографических инноваций Поздней Античности выявил следы редакторской правки IV–V веков в протографе, что свидетельствует о раннем включении текста в образовательный канон. Компьютерный анализ стиля выявил четыре вероятных поздних вставки (*Flor. 7, 12, 16, 19*), сделанных в III–IV веках. Фрагмент *Florida 9*, содержащий похвалу проконсулу Северину, демонстрирует характерные черты дипломатической речи с элементами эллинистической традиции. Лингвистическое исследование Томпсона (2019) выделило в тексте 47 терминов, связанных с дипломатическим протоколом.

Проблема аутентичности текстов осложняется многочисленными интерполяциями. Критическое издание Хельма (1955) отмечает 78 спорных мест в «Апологии» и 42 – во «Флоридах». Мультиспектральный анализ палимпсеста из Амброзианской библиотеки IX в. (*Ambros. gr. 537*) позволил обнаружить ранее неизвестный фрагмент «Флорид» с рассуждением о роли философа в дипломатии. Новые данные спектрального исследования Лейденского кодекса (2021) подтвердили его датировку XIII веком, опровергнув гипотезу о более раннем происхождении. Спектральный анализ чернил Флорентийского кодекса выявил уникальный состав с включением киноvari, нехарактерной для других рукописей той эпохи, что может служить указанием на сохранение особой рукописной традиции, наследующей более ранним образцам. Согласно исследованию Хайнца (2018), именно эта версия наиболее точно передает оригинальную терминологию римского права.

Применение методов когнитивной лингвистики выявило новаторские приемы психологического воздействия на аудиторию, а концепция «риторической дипломатии» помогает переосмыслить роль публичных выступлений в системе управления Римской империи.

Е. В. Казбекова (ИВИ РАН)

Средневековые маргинальные пометы в пергаменной Библии из собрания Н.П. Румянцева (РГБ. Ф. 256 № 816)

Пергаменная иллюминированная Библия на латинском языке из собрания Н.П. Румянцева (РГБ. Ф. 256. № 816, ранее Ф. 183.I № 245), датированная в каталогах XIV в., ранее считалась памятником итальянского происхождения. Предпринятое впервые углубленное палеографическое и кодикологическое исследование кодекса показало, что местом его создания была скорее не Италия, а Южная Франция. В рукописи нами были обнаружены пометы на латинском и староокситанском языках, важные как для уточнения происхождения кодекса, так и для изучения истории его бытования в Средние века и Новое время (за помощью в изучении трех староокситанских помет мы обратились к филологу Л.И. Щеголевой, подготовленная ею статья выйдет в 2025 г. в журнале «Средние века»).

Палеографический анализ маргинальных помет выявил в рукописи более дюжины средневековых почерков, самые ранние из которых датируются широким диапазоном второй половины XIII–XIV вв., а самые поздние – XV в., и позволил проследить стратегии поведения редакторов и читателей рукописи. Исследование маргиналий показало, что Румянцевская Библия № 816, по всей видимости, использовалась книжниками XIV–XV вв. при составлении проповедей и/или написании ученых трудов.

Глоссы и рисунки как аппарат юридической рукописи XIV в.: Об одном значении термина *argumentum*

В докладе речь пойдет о малозначительной, на первый взгляд, помете одного из переписчиков хранящегося в архиве СПБНИИ РАН болонского кодекса 1370 г. текстом комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum novum* (ЗЕС. Колл. 46, карт. 590, № 1). Эта помета состоит из сокращенного написания слова *argumentum*, правда, она всегда дополняется изображением виноградной лозы, которая служит выделению определенной части текста Бартоло, начиная от этой пометы, либо изображениями мужской головы или, одном случае, коня. Последние изображения тоже служили выделению соответствующей части текста, но несли дополнительный смысл. В тексте Бартоло пометам обычно отвечает выражение, относящееся к римской правовой норме, *facit ad quaestionem* ('действует, имеет силу в отношении вопроса') или выражение *est argumentum ad quaestionem* ('является доводом к решению вопроса').

Наряду с этими выражениями в соответствующих местах у Бартоло мы встречаем похожие выражения, но не включающие понятие «вопрос», а указывающие с помощью предлога *pro* ('для') на категорию лиц, в отношении которых норма имеет силу, в особенности на тех лиц, кому она служит поддержкой в судебном споре: *facit pro* ('имеет силу для'), *inducitur in argumentum pro* ('вводится в суждение, благоприятное для'). В этом же ряду мы встречаем и выражение *est argumentum quod* ('служит доказательством того, что'). Вводился ли названными выражениями вопрос относительно какого-либо предмета судебного разбирательства, или же вводилось доказательство правомерности какого-либо утверждения, либо вводилось само заключение по делу, основанием для которого служила римская правовая норма – во всех этих случаях речь шла неизменно о применении римской нормы к вопросам текущей судебной практики итальянских юристов, в особенности к тем, которые касались порядка судебного процесса и определения взаимных полномочий судебных инстанций разных городов-государств и иных субъектов государственного права; в отдельных случаях речь идет о правоотношениях внутри университетской корпорации либо об имущественных требованиях в связи с военными потерями и т. д. Одним словом, все части рассуждений Бартоло, которые в петербургском кодексе выделены пометой *Argumentum*, представляют примеры разработки действующего права по аналогии с соответствующими нормами римского права.

Таким образом, наряду с его значением элемента логического рассуждения понятие *argumentum* получало в глоссах специальное значение, связанное с особым прикладным характером суждений Бартоло в выделяемых глоссой местах. В историографии такое употребление термина *argumentum* не отмечено. В кодексе все пометы с ним, как и сопровождающие их рисунки, выполнены рукой одного переписчика – Карло де Баччакомари. Предстоит еще выяснить, насколько показателен его пример для юристов и переписчиков юридических книг рассматриваемого периода. Как бы то ни было, односложная глосса Карло дает дополнительный ключ к глоссам и рисункам, содержащимся в юридических рукописях. Разработка действующего права в рассматриваемый период не была направлена на создание какого-то всеохватного кодекса, хотя и отливалась в формы городских статутов, накопление юридических знаний практического толка продолжало идти вокруг комментируемых текстов римского права. Рисунки, как и словесные глоссы определенного содержания и определенной формы, помогали практикующим судьям выделять в ученом комментарии те его части, которые имели прямое отношение к текущему судопроизводству.

Е. С. Маре́й
(НИУ ВШЭ, Москва)

Малоизвестные письма вестготского времени: к истории составления сборника *Epistolae Wisigothicae*

До нас дошло не так много памятников вестготского времени, однако даже сохранившиеся литературные и эпистолярные тексты свидетельствуют о необычайно высоком уровне образования и культуры. В этом смысле показателен сборник писем вестготского времени (*Epistolae Wisigothicae*), насчитывающий 18 посланий, составленных приблизительно в 600–620-ых гг. Большинство из них явно происходит из королевского архива – это письма вестготских правителей, дипломатическая переписка, а также письма наместника Септимании графа Булгара.

Другое дело – письма 16–17, которые адресованы епископу Агапию, персонажу настолько малоизвестному, что мы даже не знаем, какую кафедру он занимал. Об авторах писем мы тоже ничего существенного сказать не можем: от автора первого письма не дошло даже имени, автором второго был некий монах Мауриций. Оба письма сохранились только в поздних рукописях XVI–XVIII вв. (*BNE ms. 1346*, ff. 63r–64r; *Esc. b.III.14*, ff. 142r–144v; *Bibl. cap. Toledo 27.24*; и производная от нее *BNE ms. 13085*, ff. 110r–111v). Когда же письма 16–17 попали в сборник *Epistolae wisigothicae* и почему вообще были туда включены наряду с посланиями королей?

Рукописи *Esc. b.III.14* и *BNE ms. 1346* были написаны по заказу испанского гуманиста Амбросио де Моралеса. Первая часть мадридской рукописи (до листа 98r) является копией ныне утраченного манускрипта *Codex vetustissimus Ovetensis*, происходящего из собора в Овьедо и написанного вестготским письмом. Эскориальская рукопись исследована хуже, но ее связь с Овьедо тоже не вызывает сомнений: рукопись представляет собой компиляцию четырех манускриптов, один из которых происходит из Овьедо и, возможно, тоже является частью *Codex vetustissimus Ovetensis*. Наконец, самая поздняя рукопись, *BNE ms. 13085*, является копией рукописи XVI в., принадлежащей епископу Сегобре Хуану Баутиста Пересу. Во всех рукописях коллекция писем соседствует с другими произведениями вестготского времени.

Исследуя содержание пропавшего *Codex vetustissimus Ovetensis*, Р. Коллинз пришел к выводу, что источники вестготской эпохи – письма, юридические формулы, «Житие св. Дезидерия» – были собраны в единую коллекцию учебных текстов в Толедо в конце VII – начале VIII в. Затем они попали в Овьедо и стали частью компиляции, созданной епископом Пелайо (1098–1130).

Однако в Толедо никогда не было епископа с именем Агапий. Х. К. Мартин показал, что Агапий, адресат писем 16 и 17, был епископом Кордовы в начале VII в. Это дает нам основание предполагать, что сборник писем (или, по крайней мере, его часть) начал комплектоваться в Кордове. Наше предположение подтверждается сохранившейся рукописью *Esc. &.I.14* кордовского происхождения, в которой сохранилась часть писем. В том числе там помещена переписка Булгара, одним из адресатов которого был некий Агапий. По всей видимости, составители сборника отождествили его с епископом Кордовы Агапием, что и обусловило включение в сборник писем, ему адресованных.

А. Н. Маслов
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

**Троянский раздел латинской компиляции
«Multe ystorie et Troiane et Romane» на полях рукописи
BNF ms. lat. 4912**

Доклад посвящен относительно небольшому рассказу о Троянской войне, записанному на полях (fol. IVv–XIr) рукописи XIV в. из Национальной библиотеки Франции *BNF ms. lat. 4912* (URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90809100>) в качестве дополнения к тексту «*Breviarium historiarum*» Ландольфо Колонны. Как показала в своей докторской диссертации (2018) А. Дукати, данный экскурс в историю Троянской войны представляет собой извлечение из анонимного компилятивного труда «*Multe ystorie et Troiane et Romane*» (XII в.). Критическое издание латинских «*Multe ystorie*» (вкуче с более поздними переводами этого труда на римский диалект, *romanesco*) было более ста лет назад (1920) подготовлено Э. Моначи. Вместе с тем, полноценное сравнение «маргинального» повествования о Трое с соответствующей частью «*Multe ystorie*» вплоть до настоящего времени не проводилось.

При подготовке транскрипции рассказа о Троянской войне из рукописи *BNF ms. lat. 4912* был выявлен ряд отличий этого нарратива от текста «*Multe ystorie*» по изданию Моначи. К числу основных отличий могут быть отнесены заимствования из «Героид» Овидия, а также включение в рассказ по рукописи *BNF ms. lat. 4912* так называемых Эпитафий Гектора и Ахилла, широко распространенных в средневековой латинской традиции (в том числе благодаря их использованию в знаменитой «Истории разрушения Трои» Гвидо делле Колонне). Кроме того, в ряде случаев текст по рукописи *BNF ms. lat. 4912* содержит характерные изменения или дополнения, сообщавшие несколько иной смысл отдельным эпизодам повествования. Все они кратко освещаются автором доклада.

А. А. Михальчук
(Нац. школа хартий, Центр Ж. Мабильона, Париж)

Средневековые печати в трудах эрудитов Раннего Нового времени

Среди памятников прошлого, тщательным собиранием и копированием которых характеризовался подход французских эрудитов, средневековые печати занимают особое место. В первую очередь, они были знаками валидации архивных документов, тексты которых вслед за П.-Ф. Шиффле и А. Дюшеном авторы массово включали в свои исторические труды. Одновременно печати представляли собой символическое отражение личности их владельцев и их социального статуса, давая материал для просопографии средневековой знати, генеалогии, геральдики, локальной и национальной истории. Наконец, они являлись свидетельствами «славного прошлого» отдельного региона или целой страны, как, например, первая золотая печать средневекового Запада, по поводу которой в среде эрудитов развернулась целая «сигиллографическая война».

Несмотря на некоторые характерные ошибки эрудитов XVII–XVIII вв. (так они нередко рассматривали изображения на печатях в качестве портретов их владельцев, датировали оттиск временем составления акта, не всегда учитывали зеркальный характер изображения на матрице и в ее оттисках) для сигиллографии и сфрагистики их наследие бесценно. Манускрипты представителей крупных «исторических школ» Раннего Нового времени – конгрегации бенедиктинского ордена Святого Мавра, Академии надписей и изящной словесности, февдистов, изучающих феодальные архивы, – содержат огромное число копий не дошедших до нас в оригинале оттисков, которые достаточно точно передают их оригинальные размеры, характер изображения и способы крепления к акту.

Для включения этих изображений в публикации своих трудов эрудиты нередко нанимали профессиональных художников и гравёров (См. *Прил. 2*).

Кроме того, эрудиты, вслед за «*De re Diplomatica*» Ж. Мабильона (1681), а кто-то и задолго до него (Т. Хёпинг), создают сигиллографический дискурс, также наполненный уникальным материалом и затрагивающий вопросы, по сию пору составляющие основу классификаций и атрибуций. Так историк Бургунлии, маврист У. Планше приводит как примеры исключений женские средневековые печати с изображением дамы верхом на коне (по аналогии с рыцарской иконографией), определяя как типичные изображения стоящей дамы с лилией в одной руке и птицей – в другой. Авторы «Нового трактата по дипломатике» Ш.-Ф. Тустэн и Р.-П. Тассен доказывают, что владение печатью в Средневековье не было исключительно рыцарской сословной привилегией. Историки Лангедока, мавристы К. Девик и Ж. Вэссет указывают на взаимосвязь между материалом печатей и типами удостоверяемых ими актов как на важнейший критерий подлинности документов.

Таким образом, как материал, собранный эрудитами Раннего Нового времени, так и их собственные научные разработки, по сей день обладают непреходящей значимостью для сигиллографии и сфрагистики.

Э. Э. Отакулов (НИУ ВШЭ, Москва)

«De decem captionibus Hierusalem» из кодекса *Reg. lat. 658*: к истории создания

В составе кодекса Ватиканской библиотеки *Reg. lat. 658*, содержащего «Иерусалимскую историю» Роберта Реймского, до нас дошла небольшая история, озаглавленная «*De decem captionibus Hierusalem*». Кодекс XII в. поступил из библиотеки королевы Кристины Шведской, однако его происхождение остается неизвестным. «*De decem captionibus Hierusalem*» занимает два последних листа кодекса (ff. 91v–92v).

На основе анализа почерка, чернил и редакторских правок можно предположить, что эта история была составлена тремя писцами в два этапа. Первый писец составил описание событий от царя Давида до Ирода Великого. Второй писец, чьё готическое письмо характерно выделяется, добавил записи о Тите Флавие Веспасиане, об Адриане и об императоре Ираклии, после чего первый писец, продолжая фразу, начатую вторым, вписал освобождение Иерусалима Карлом Великим и Первый крестовый поход. Затем он внес правки в текст и добавил заглавие, о чем свидетельствует цвет чернил. Судя по тому, что повествование доведено до времени правления короля Людовика, без пояснения отца или сына, первая часть этой истории была составлена в 1120–1130 гг. при Людовике VI Толстом. Много позже третий писец, уже в конце XII в., дополнил эту историю фрагментом, описывающим взятие Иерусалима Салах ад-Дином и отвоевание Акры в ходе Третьего крестового похода.

Эта история должна была представить читателю хроники Роберта Реймского краткую историческую справку обо всех захватах города, сведенную в единую последовательность: от ветхозаветных событий воцарения Давида до Крестового похода королей. При подборе событий древней истории составители опирались на Священное Писание. Из-за краткости упоминаний остается неясным, какие источники были использованы для описания разрушения Второго храма и основания Элии Капитолины.

Однако наиболее интересным оказывается упоминание об освобождении Иерусалима из-под гнета сарацин самим Карлом Великим. Представления о походе императора франков в Святую Землю были распространены уже в преддверии проповеди крестоносного движения, о чем свидетельствует не только история «*Descriptio qualiter Carolus Magnus clavum et coronam Domini a Constantinopoli Aquisgrani detulerit*», но и упоминания о *via Karoli* хронистами Первого крестового похода. Освобождение Иерусалима Карлом Великим, с одной стороны, создает исторический прецедент

присутствия сил франков на Левантийском побережье, а с другой, этот эпизод позволяет «вымарать» значительный период мусульманского владычества над городом Господа. Таким образом, история «De decem captiombus Hierusalem» объединяет события прошлого и настоящего в единый ряд, прежде доведенный до результатов Первого крестового похода, а затем дополненный актуальными событиями завоеваний Салах ад-Дина и новой крестоносной проповеди. Такой подход оборачивает историческую картину в пользу христиан, так как вслед за очередным захватом Града Божьего последует его скорое освобождение.

В. Л. Портных (НГУ)

**Рукописи и архивные документы из Любека, Гамбурга и Бремена
в послевоенном Ленинграде: К вопросу о координации
действий различных ведомств, отвечавших за вывоз
и распределение «перемещенных культурных ценностей»**

В августе 1946 г. на эшелоне, проследовавшем из Берлина в Ленинград, в северную столицу были доставлены архивные и библиотечные ценности из ганзейских городов Любека, Гамбурга и Бремена. По прибытии их разместили в помещениях Государственной публичной библиотеки, где из их состава оперативно выделили «рукописную» часть в виде архивных документов и библиотечных рукописей. Значительную долю этих материалов вскоре попытаются обменять на интересовавшие СССР архивы, после войны оказавшиеся в Германии, а оставшиеся в Ленинграде ценности были не без стараний руководства ГПБ переданы в Москву в середине 1960-х гг. В конечном итоге почти все материалы вернулись в Германию, однако некоторые в силу разных обстоятельств и сегодня хранятся в России.

Изучение различных сюжетов, связанных с решением дальнейшей судьбы рукописных материалов из Любека, Гамбурга и Бремена во время их почти двадцатилетнего нахождения в Ленинграде выводит нас на целый спектр пока малоизученных исследовательских проблем, связанных с целями вывоза культурных ценностей и их фактическим применением в СССР. Вывоз материалов из Германии как «значимых для советской науки» и скорая попытка их обменять, а также явное нежелание ГПБ принимать их к себе на баланс, говорят о возможных проблемах в координации действий между различными ведомствами, отвечавшими за вывоз и распределение трофейных культурных ценностей, и (или) отходе от первоначальных замыслов уже в первые послевоенные годы.

Доклад будет основываться на материалах российских и немецких архивов – прежде всего, архива РНБ, ЦГАЛИ СПб, ГАРФ, АВПРФ, архивов городов Любека, Гамбурга и Бремена, а также Федерального архива Германии.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00518.

А. М. Скворцов (СПБНИИ РАН)

О подготовке медиевистов в 1920-е гг. в Петрограде/Ленинграде

В 1921 г. при Петроградском университете появился целый ряд исследовательских институтов, в том числе и Исторический институт, работа которого протекала в двух направлениях: разработка научных проблем и подготовка молодых ученых. В Архиве СПБНИИ РАН (РС, ф. 193) сохранилась делопроизводственная документация, которая

позволяет рассмотреть вопросы адаптации сложившейся в дореволюционное время системы подготовки медиевистов в новых условиях.

В докладе обращается внимание, что предложения по созданию подобных институтов звучали еще в дореволюционное время, однако только после 1917 г. эти проекты были воплощены в жизнь. Исторический институт включал в себя, в числе других подразделений Секцию всеобщей истории под началом И. М. Гревса. Готовящиеся к научной деятельности имели статус научных сотрудников 2 разряда. Определяющей при обретении этого статуса для будущих медиевистов была поддержка со стороны И. М. Гревса или О. А. Добиаш-Рождественской, хотя кандидатура должна была проходить стадию утверждения Главпрофобром. Судя по сохранившимся отзывам, главное, на что обращали внимания Гревс и Добиаш-Рождественская, – это владение «техникой» исследования, но не фактическое знание истории Средневековья (последнее, вероятно, было само собой разумеющимся). Совершенствованию навыков работы с источниками посвящались и семинары, которые являлись основной формой обучения. Темы для выступлений на этих занятиях выбирались узкоспециальные: рассмотрение какой-либо конкретной рукописи, либо исторического события, имеющего разночтение в источниках.

Каждый научный сотрудник 2 разряда работал по индивидуальной программе, которая принималась на заседаниях ученого совета отнюдь не формально и должна была соответствовать четко сформулированным критериям. Структура программы – наследие дореволюционного времени. По каждому вопросу научный сотрудник 2 разряда экзаменовался в комиссии. Выполнение программы означало допуск к защите научного труда для получения права преподавания в университете. Сам диспут в условиях отмены ученых степеней продолжал рассматриваться как важный этап в научной карьере, средство самореализации, самопрезентации и апробации своих идей. Последнее было актуально в условиях ограниченной возможности публикаций. Причем, для старшего поколения наиболее значимым при вынесении решения о квалификации молодого сотрудника был даже не диспут, а предшествующие коллоквиумы, выявляющие исследовательские навыки претендентов.

В 1923 г. Исторический институт при Петроградском университете был упразднен. В качестве остатка секции истории Средних веков до 1929 г. существовал только кабинет вспомогательных исторических дисциплин. Недолгое время, в 1927–1928 гг., функционировало Ленинградское отделение института истории РАНИОН, одной из задач которого была разработка архивных фондов и иного рукописного материала по истории России и Западной Европы из хранилищ Ленинграда. Однако здесь для аспирантов (заменивших собой научных сотрудников 2 разряда) был уже введен марксистский минимум. Помимо этого, аспиранту приходилось выполнять различные исследовательские работы в секции. В процедуре подготовки кадров стали проявляться тенденции к бюрократизации, формализации и догматизации.

К. В. Сошникова (ОР РНБ)

Часы и молитвы в честь Девы Марии во французском молитвеннике из РНБ (*Lat. O. v. I. 139*)

Доклад посвящен исследованию цикла молитв и миниатюр, посвященных Деве Марии в молитвеннике по обычаю Парижа начала XVI в. из собрания Отдела рукописей РНБ.

Молитвенник *Lat. O. v. I. 139* был приобретен российским дипломатом и библиофилом П. П. Дубровским во Франции в конце XVIII в. и вместе с другими рукописями, привезенными им в Петербург, стал частью коллекции Депо манускриптов Императорской Публичной библиотеки. Часовник, практически обойденный вниманием

ученых, вызывает большой интерес как благодаря своей организации, так и художественному оформлению. Он содержит не только молитвы на латинском языке, которые обыкновенно присутствовали во французских книгах часов, но и многочисленные молитвы и песни на французском языке, обращенные к Деве Марии и написанные анонимными или известными поэтами. Рукопись украшают около трехсот миниатюр разного размера, выполненных в традициях руанской школы миниатюры.

Исследование молитвенника позволило установить, что при его создании ориентировались на многочисленные печатные молитвенники конца XV в. (А. Верара, С. Востра, Ф. Пигуше). Также после изучения надписей и помет в тексте рукописи удалось обнаружить возможную дату создания ряда миниатюр – 1511 г.

Особое внимание в рукописи заслуживает раздел молитв и миниатюр, посвященных Деве Марии. Несмотря на то, что календарь молитвенника указывает на то, что он использовался жителем Парижа, кодекс содержит ряд текстов и миниатюр, которые отсылают к празднику, посвященному Непорочному Зачатию Девы Марии и к сопровождавшим его поэтическим конкурсам и мистериям в Руане XV–XVI вв. Сопоставление часовника из РНБ с другими рукописными и печатными молитвенниками из французских собраний позволило обнаружить сходства между этими источниками. Однако вместе с тем петербургская рукопись выделяется на их фоне, поскольку содержит большее число молитв и поэтических сочинений, ряд из которых не имеют других списков.

Н. Б. Срединская (СПБНИИ РАН)

Презентация издания: *Акты Феррары XII–XV веков. Из архивов Санкт-Петербурга и Модены / Изд. подг. Е. В. Бернадская, Н. Б. Срединская, при участии И. Д. Травина. СПб.: Наука, 2024*

Книга продолжает традицию издания актового материала средневековой Италии из собрания ученого и коллекционера «сказочного размаха», как называли его современники, акад. Н. П. Лихачева (1862–1936), сложившуюся в Институте истории Академии наук начиная с 30-х гг. XX в. Это «Акты Кремоны X–XIII вв. (подг. к изд. С. А. Аннинского, под ред. О. А. Добиаши-Рождественской. М.; Л., 1937), «Акты Кремоны XIII–XVI вв.» (под ред. В. И. Рутенбурга, Е. Ч. Скржинской. М.; Л., 1961), «Итальянские коммуны XIV–XV вв.» (Сборник документов из Архива Ленинградского отделения института истории АН СССР. М.-Л., 1965), «Акты Падуи XIII–XIV вв.» (сост. Е. Ч. Скржинская, А. М. Кононенко, В. И. Мажуга. Л., 1987). Публикация актов Феррары стала итогом многолетней работы.

В книге объединены ранние документы известного феррарского рода Сакрати – две части некогда единого комплекса актов, ныне хранящиеся в Архиве СПБНИИ РАН и Государственном архиве Модены. В этом состоит одна из особенностей этого издания, включающего материалы не только петербургского собрания.

Отличие и достоинство этого комплекса актов определены кругом деятельности фондообразователя. Это ростовщичество и извлечение доходов от сделок с землей, вследствие чего в сборнике присутствуют виды договоров, не встречавшиеся в других публикациях собрания Н. П. Лихачева – договоры займа, акты обращения взыскания на имущество несостоятельного должника, узус – специфически феррарский вид держания земли и др. Значительная часть актов опубликована полностью, что дает возможность их использования для самого широкого круга исследователей.

Д. Н. Старостин (СПбГУ)

О. А. Добиаш-Рождественская, Ж. Ле Гофф и проблемы изучения средневековых представлений о времени в новейшей историографии

Наследие О. А. Добиаш-Рождественской очень разнообразно. Среди ее черновиков ее работ находится статья, посвящённая представлениям о времени в Средние века. Она была найдена в рукописном наследии только в 1980-е годы, однако сегодня предполагается, что она уже была опубликована в Берлине в 1921 году. В этой статье О. А. Добиаш-Рождественская подняла очень важную тему о характере представлений о времени у человека Средневековья. Стоит сразу отметить что эта тема начиная с 1980-х гг. стала крайне важной для историков Средневековья. Она обратила внимание в первую очередь на раннесредневековые источники, а также имела перед собой часовники (*Livres des heures*) отдела рукописей РНБ. О. А. Добиаш-Рождественская подчеркнула что представления о времени были крайне развиты. В 1926 году отечественная исследовательница сделала выставку в РНБ, где были представлены часовники XIII–XV вв. Её тезис, таким образом, был весьма оптимистичным, потому что она считала что исчисление времени в Средние века было делом обычным и доступно многим категориям населения.

В работах 1980-х годов французский исследователь Жак Ле Гофф Создал свою концепцию средневековых знаний о времени. Его взгляд отличался критическим подходом к этой проблеме, потому что он подчеркнул, что большинство населения не имело никаких возможностей для счета времени. Одновременно исследователь подчеркнул, что время в том образе, в котором мы знаем его сейчас, тоже исчислялось в Средние века, только это было время банкиров, купцов и городских мастеровых. В отличие от крестьян, они должны были точно знать время. Но более того, их особенности труда требовали постоянного включения в процесс обмена.

В этом докладе я обращаю внимание на то, какие практики расчёта времени использовались в Средневековье, и попытаюсь примирить те противоречия, которые возникли в историографии этого вопроса в XX в. В плане критики О. А. Добиаш-Рождественской можно отметить, что гномоны не могли использоваться для исчисления времени в Северной Европе, например, в Париже, в Аахене или Йорке. Ряд работ А. Борста и других авторов подчеркнули широкое распространение календарных рукописей начиная с эпохи Каролингов и в течение всего высокого Средневековья. Конечно, в первую очередь речь идет о церковных рукописях (таблицах), посвящённых исчислению даты Пасхи. Но их количество, которое достигает для Каролинского периода многих сотен, говорит о том что счёт времени был поставлен на солидную административную и научную основу. Т. е. О. А. Добиаш-Рождественская была права в отношении общей оценки знаний о счете времени, но неправа в деталях, в оценке источников.

Т. Н. Таценко (СПБНИИ РАН)

Служебные письма императора Фридриха III (1415–1493) в Архиве СПБНИИ РАН

В Западноевропейской секции Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН хранятся пять подлинных писем, связанных с именем императора Священной Римской империи Фридриха III. Они обнимают период с 1438 по 1482 г. Правда, первые два письма относятся ко времени до избрания Фридриха Габсбурга императором в 1452 г. Это письмо 5 марта 1438 г. (ЗЕС 1/396, Нойштадт), где отправитель выступает еще только как герцог Австрийский («Fridreich ... Herzog ze Osterreich»), и письмо 446/15 от 17 августа 1445 г. (ЗЕС 15/446, s. 1.), когда отправитель уже (с 1440 г.) носил титул короля Священной Римской империи («Fridreich ... Romischer Kunig»). Остальные три письма – 9

марта 1479 г. (ЗЕС 2/396, Грац), 11 июня 1482 г. (ЗЕС 16/446, Вена), 31 июля 1482 г. (ЗЕС 3/396, Вена) – составлены от имени императора («Fridreich Romischer Kaiser»).

Все письма относятся к коллекции Н. П. Лихачева и были приобретены им в период до 1914 г. в антиквариатах «Gilhofer und Ranschburg» (Вена), «Damiano Muoni» (Милан) или во Франции.

Более чем 50-летнее правление короля и императора Фридриха III распространялось на две сферы: на обширную империю и на наследственные австрийские земли, в последних он правил как владетельный территориальный государь. В соответствии с этим при дворе существовали две канцелярии, где готовились и оформлялись политические и административные акты: Императорская или Римская канцелярия (*Kaiserliche oder Römische*) и Австрийская или Наследственных земель канцелярия (*Österreichische oder Erbländische*).

Рассматриваемые пять писем происходили из второй канцелярии, что видно как по их содержанию, так и по их оформлению. Они адресованы главам административных округов или городов и содержат распоряжения административно-правового характера. Австрийские исследователи называют этот тип документов *Reverse* или *Pfleg- und Amtreverse*. Пять документов являются типичными примерами бесчисленных актов, отражавших каждодневную рутину социально-экономической жизни: император передает выгоревший участок земли или продает дом в городе Нойштадт и повелевает его бургомистру и совету внести соответствующие записи в Поземельную кадастровую книгу города (ЗЕС 1–2/396). В другом распоряжении бургомистру Нойштадта Фридрих III приказывает передать отличившемуся военному начальнику Гансу Вульфферсторферу ценное пожалование – дорогой мех (ЗЕС 16/446). Глава амта Гмюнден должен совершать регулярные платежи на постройку моста в Энсе (ЗЕС 3/396).

Императорские распоряжения написаны на ранненововерхненемецком языке в лапидарном стиле и занимают от трети до двух третей лицевой страницы однолистного документа. Несмотря на краткость, текст построен в соответствии с полным протоколом дипломатики деловых писем: *intitulatio, salutatio, narratio, dispositio, sanctio, datum*. При этом во всех документах употребляются устойчивые в канцелярской практике обороты: «*Emphelhen dir ernstlich*» / «строго приказываем тебе» (*dispositio*), «*Daran tust du vnnsere ernstliche mainung*» / «сим исполнишь наше неукоснительное повеление» (*sanctio*).

Удостоверение подлинности документов австрийской канцелярии в идеале состояло из двух элементов: 1) пометы секретаря о подлинном решении императора, которая вводилась словами «*Commissio domini imperatoris ...*» (такая помета имела всегда и есть в каждом из рассматриваемых документов, но имя сделавшего ее служащего в XV в. наблюдается редко; 2) собственноручной подписи императора, которую, особенно в рядовых документах, исследователи встречают крайне редко.

Особая ценность служебных писем Фридриха III из коллекции Н. П. Лихачева состоит в том, что имя чиновника, сделавшего канцелярскую помету, имеется в двух из них, а подлинная подпись императора – в трех из пяти писем. В первом случае речь идет о близких императору, крупных деятелях администрации двора: Зигмунде де Нидертор («*Commissio domini imperatoris per dominum Sigmund de Nidertor camerarium*» – ЗЕС 2/396) и Зигмунде Прюшенке («*Commissio domini imperatoris per domnium Sigmund Pruschenk marschalcum camerarium*» / «Распоряжение государя императора, удостоверяемое господином Зигмундом Прюшенком, маршалом и камерарием» – ЗЕС 16/446).

Императоры еще не подписывали в XV в. документы своим личным именем. Фридрих III обыкновенно начертывал слева под текстом письма или грамоты: «*Prescripta recognoscimus*» / «Вышенаписанное удостоверяем» (ЗЕС 1/396, 3/396) или более развернутую, так называемую парадную (*feierliche*) подпись: «*Nos Fridericus prelibatus prescripta recognoscimus*» / «Мы, Фридрих, помазанник, вышенаписанное удостоверяем» (ЗЕС 2/396). Столь высокий удельный вес документов с подлинной подписью императора в рассматриваемой коллекции (три из пяти), возможно, объясняется тем, что

Н. П. Лихачев придавал особенно большое значение автографам знаменитых исторических личностей.

И. Д. Травин (СПБНИИ РАН)

Поручение дожа Джованни Мочениго из коллекции Н. П. Лихачева: Промежуточные результаты

В обширной коллекции рукописных памятников, собранной Николаем Петровичем Лихачёвым, можно выделить особый тип документов, являющийся важным источником по истории Венеции и её владений на Терраферме. Дожеские поручения (*commissioni ducali*) представляют собой детальные инструкции, выдававшиеся дожами Венеции (и Большим советом) чиновникам, которые назначались на ту или иную административную должность в Республике.

На сегодняшний день исследования дожеских поручений связаны прежде всего с их искусствоведческим значением, так как зачастую эти «наказы» (как называл их Н. П. Лихачёв) являлись важным подтверждением социального статуса чиновника, а потому по его заказу могли украшаться разнообразными миниатюрами. Впрочем, благодаря искусствоведческим публикациям всё больше исследователей-историков начинают обращать к этим документам своё пристальное внимание. Особого внимания заслуживают издания формуляриев дожеских поручений правителям Истрии и Далмации конца XIII – середины XIV в. и формуляриев дожеских поручений капитанам венецианских галер XV века из собрания Государственного архива Венеции.

Территориальная экспансия Венеции в XIV–XV вв. обуславливала необходимость увеличения количества административных должностей. Каждое новое присоединение влекло за собой не только новые ресурсы и расширение сферы влияния, но и сопряжённые с ними проблемы управления владениями. Посылаемые на места представители венецианской знати должны были детально представлять себе круг своих полномочий, понимать собственные права и обязанности, а также знать законы и обычаи подвластных им территорий. Степень эффективности работы управителей во многом зависела от уровня их подготовленности. Документами, призванными обеспечить чиновников этой информацией, были *commissioni ducali*.

На данный момент в Санкт-Петербурге хранится как минимум 13 дожеских поручений XV–XVIII веков, но нас интересует одно. Поручение дожа Джованни Мочениго к Доменико Контарини, подеста Кастельфранко-Венето, представляет собой кодекс из 33 листов в кожаном переплёте. На форзаце есть две надписи рукой Н. П. Лихачёва: «*Куплен у Th. Belin в 1913 году по кат. 342, № 2266. Цена 600 fr. Н. Лихачевъ*» и «*“Наказ” этого времени большая редкость и ценность*». Текст написан гуманистическим курсивом на латыни с небольшими вкраплениями на вольгаре. Присутствуют остатки шнура, к которому крепилась печать. Инициал «N» на лицевой стороне первого листа помещён в золотую рамку с цветочным узором. Внизу листа нарисован герб Контарини: синие наклонные полосы на золотом щите. Поручение из 109 параграфов охватывает широкий круг вопросов: налогообложение, пошлины, торговля, регулирование ввоза-вывоза зерна, вина и лошадей, наказания за преступления, оборона территорий, формирование свиты, противодействие коррупции и nepотизму, ограничение прав евреев и т.д.

Автографы дождей Венеции XIV–XVI в.: Собрание *ducali maggiori* Н. П. Лихачева

В собрании Западноевропейской секции Архива СПБНИИ РАН хранится 18 постановлений 1308–1537 гг. от имени 11 венецианских дождей: Пьетро Градениго, Джованни Соранцо, Марино Фальера, Марко Корнаро, Андреа Контарини, Антонио Веньера, Томазо Мочениго, Франческо Фоскари, Кристофоро Моро, Леонардо Лоредана, Андреа Гритти. Благодаря автографам правящих и будущих дождей (в грамоте Андреа Контарини 1376 г. есть подпись будущего дожа Антонио Веньера), которые являлись для экспертного сообщества рубежа XIX–XX вв. главным критерием подлинности, эти памятники составляли особый интерес Н. П. Лихачева. Привлекательны они были и с точки зрения их экспозиционной значимости.

Семь грамот были отмечены в черновике доклада, прочитанного Н. П. Лихачевым в ГАИМК 9 и 16 марта 1923 г.; еще два документа были добавлены Л. Г. Климановым в примечаниях к публикации этой рукописи (*Лихачев Н. П. Буллы // Климанов Л. Г. Византийские отражения в сфрагистике. СПб., 1999. С. 286–312*). Из описания подготовленной Н. П. Лихачевым экспозиции в Музее палеографии АН СССР 1927 г. известно, что там находились грамоты с автографами Джованни Соранцо, Андреа Контарини, Антонио Веньера и Франческо Фоскари. Из-за своего большого размера (до 1 метра в длину и около полуметра в ширину), они традиционно хранились в виде свитков или в сложенном виде. Только новейшие инструменты цифрового копирования (планетарный сканер с прижимным стеклом) позволяют их прочесть и должным образом изучить. По этой же причине ни в публикациях, ни в коллекциях цифровых изображений практически не возможно найти *ducali maggiori* XIV–XVI вв.

Собранные Н. П. Лихачевым *ducali maggiori* представляют собой судебные решения, составленные от имени дожа, возглавляющего коллегию из трех, с середины XV в. – двух судей. В основном они касаются имущественных и наследственных прав. В двух случаях латинские грамоты содержат включенную копию завещаний, составленных на вольгаре (ЗЕС 21/187, 23/187). Внешне они совершенно аналогичны документам, составленным от имени других судебных коллегий Венеции. Главным знаком аутентификации служила нотариальная заверка составившего документ канцеляриста и собственноручные подписи судей; печати не требовалось.

Знаки креста, которыми вводились подписи в *ducali maggiori*, постепенно индивидуализировались, превращаясь в личные знаки, начиная с 1170-х гг. Лоренцо Тьеполо (1268–1275) был первым дожем, использовавшим в качестве дополнительного индивидуализирующего элемента четыре точки, проставленные между перекладинами простого равноконечного креста. Его преемники использовали именно такой крест для дожеских подписей. Пьетро Градениго (1289–1311), по-видимому, был последним дожем, кто рисовал этот знак собственноручно, иногда выполняя крест одним движением с петлей по воздушному ходу пера в левом нижнем углу. Именно такое изображение закрепилось для крестов, отмечающих начало судебных подписей (*giudici dell'esaminador*), которые уже в начале XIV в. заранее проставлялись писцом. И такое же изображение в виде перевернутой арабской цифры 4 с четырьмя точками в углах перекрестья стало использоваться писцами для зачина дожеской подписи к середине XIV в. В дальнейшем у разных писцов этот знак, уже ничем не напоминающий крест, получает разные интерпретации: в форме прописных букв Н или N (?) и F в 1360–1370 х гг., в форме прописной J (от «judici» – ?) в 1380–1410-х, в форме прописной Ç (от «çudesi» – ?) и вертикальной строчной s (от «signum» или «si» – ?) в 1440–1460-е, в форме прописной и строчных C (от «capta fuit pars» – ?) в 1510–1530-е гг.

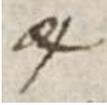
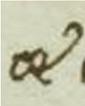
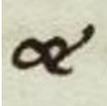
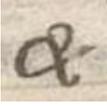
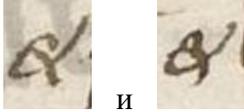
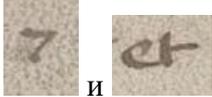
Итальянские и другие автографы в коллекции графа Г.В. Орлова (ГИМ)

Граф Григорий Владимирович Орлов (1777–1826), сенатор, меценат, последний представитель возвысившегося при Екатерине II рода Орловых, был, наряду с прочим, собирателем коллекции автографов, которая после закрытия музея в бывшем имении Орловых Отрада была передана в Государственный исторический музей.

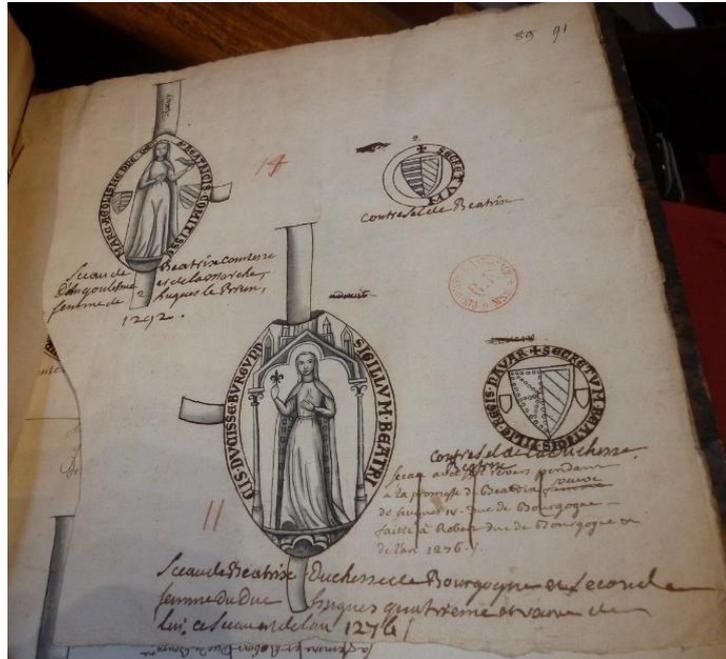
В коллекции Г. В. Орлова есть любопытные документы выдающихся личностей, в том числе итальянцев: философа Вико, драматурга Метастазियो, писателя Альгаротти и других. Некоторые из них опубликованы, в частности, письмо Ф. Гвиччардини к Никколò Макиавелли (о котором я рассказывал на конференции 2019 г.), письмо Дж. Б. Вико 1728 г., изданное в 2025 г. Всего итальянских автографов около 800, они хранятся в 7 томах собрания Отдела письменных источников ГИМ (фонд 166, тт. 24–30). В данном случае речь пойдет о кратком обзоре автографов, относящихся к Средним векам и раннему Новому времени (XV–XVII вв.), в основном итальянских. В их числе документы с подписями кардинала Санта Сабины (в будущем папы Пия II), неаполитанских королей Альфонса Великодушного, его сына Фердинанда, его внука Альфонса II (в бытность наследником престола), брата Альфонсо Федерико II, Фердинанда V (I, Католического), императора Карла V; письмо Дж. Вазари к Микеланджело и других известных лиц.

Приложение 1

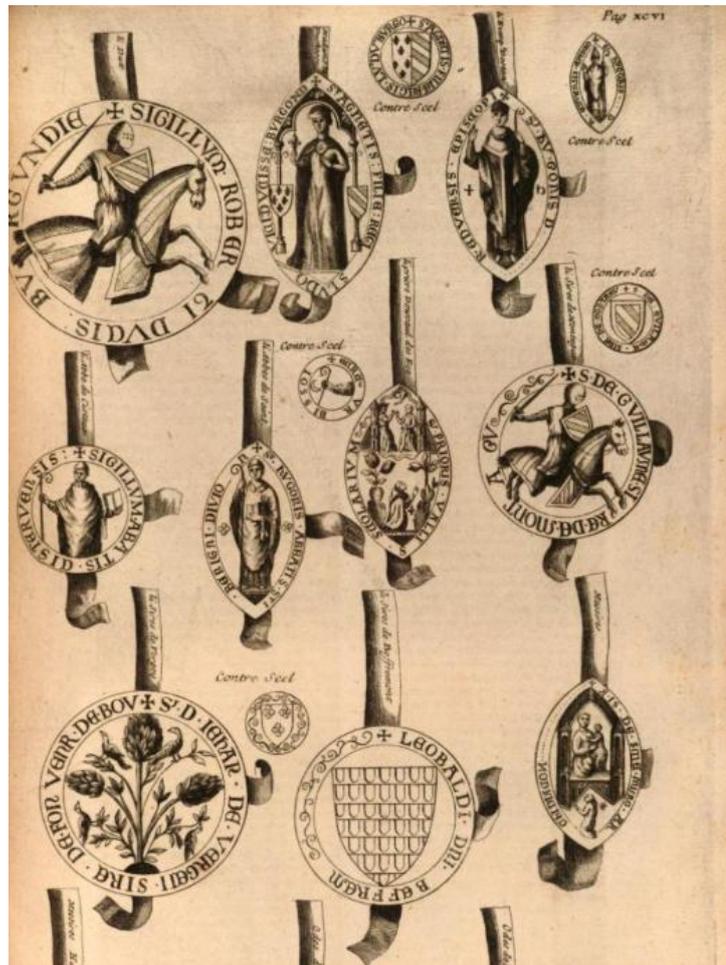
Примеры написания союза *et* в рукописях сочинений Сикко Полентона

ОР РНБ Lat. F.XVIII.12	
Vat. Pal. lat. 1494	
Vat. Pal. lat. 1594	
Vat. Urb. lat. 317	
Vat. Cappon. lat. 15	
Vat. Ott. lat. 1915	

Приложение 2
Les exemples des dessins sigillaires et d'une planche
dans le cadre du projet de l'*Histoire de Bourgogne* de dom Plancher

BNF, Bourgogne 31, fol. 91r

Plancher U. Histoire générale et particulière de Bourgogne. Vol. 2. Dijon, 1741. p. XCVI